Глава 4. Демон и ведьма

На самом деле стул с жёсткой деревянной спинкой и подлокотниками куда лучше подходит для рассказа, чем мягкий диван, на котором можно развалиться и задремать. А ещё в столовой есть чай, с помощью которого во время рассказа можно делать небольшие перерывы. Правда, такой нетерпеливой слушательнице, как Ренни, паузы только мешают. Она быстро осушает свою чашку и говорит:

— Так что было дальше?

— Ну, мы шли-шли-шли и пришли. Всё, — я ловлю её укоризненный взгляд. — Согласен, не самая удачная шутка.

Путешествие по варварским мирам заканчивалось, равно как еда и деньги. Я просто не рассчитывал на столь длительное путешествие, да и не сильно заботился об экономии средств. Именно поэтому собирался продать эльфийский меч на одном из самых знаменитых базаров этой части Цепи миров — невольничьем рынке в Зерозане. Главным товаром там были, конечно, рабы, но торговали всем: от оружия до специй, от фарфора до индульгенций большинства религий. В заметках справочник напоминал, что на базаре не любили искателей приключений, за которыми закрепилась слава профессиональных воров и жуликов. К несчастью, я сам напоминал одного из них, и мне требовалось немного приодеться. Ещё до телепортации я отмыл доспехи, протёр хрустальный набалдашник у посоха и надел фуражку.

— Ну что, Дэши, видимо, придётся тебе увидеть самую отвратительную часть человеческого общества, — сказал я ей. — То, что мы смогли преодолеть этот кошмар, является, пожалуй, главным достижением цивилизации.

— Какую мерзость вы ещё придумали? — устало спросила она.

— Рабовладение, — ответил я и добавил: — Базар Зерозана — опасное место, нам лучше на один день стать актёрами и разыгрывать представление. Поэтому на время, пока мы там, я буду твоим хозяином, хорошо?

— Ты всё-таки купил их, — с досадой в голосе произнесла Рэйнбоу, глядя, как я достаю ошейник с поводком.

— Ты уж прости, но поначалу я действительно считал тебя домашним животным. Потом, конечно, понял, что ошибался. Ну, так что?

Она резко напряглась, сжала зубы и посмотрела мне в глаза испепеляющим взглядом, но потом столь же резко расслабилась, моргнула и склонила голову на бок.

— Ну конечно, ты можешь делать со мной что захочешь. Я же твоя Дэш.

— Хорошо, — кивнул я, присел рядом с ней и надел ошейник.

— Это вообще-то был сарказм!

— Да? — я сделал вид, будто удивлён, потом застегнул ошейник и проверил, не мешал ли он Рэйнбоу глотать. — Мне так не показалось, — прицепил поводок и почесал Дэши за ухом.

— Хорошая девочка.

От этих слов она дёрнулась, внезапно поняв, в какое попала положение. Испуганно посмотрела на меня и робко, с надеждой спросила:

— Пит, мы же просто играем, да? Это же только пока мы не покинем Зерозан?

— Конечно, да, — одного взгляда на неё мне хватило, чтобы понять, что шутки сейчас неуместны.

Мы перенеслись прямо к местной станции телепортации, стоящей рядом с базаром. По сравнению с гигантами из цивилизованных миров, она тут была совсем маленькая, как провинциальный аэродром по сравнению с международным аэропортом. Я сразу же направился к воротам базара, бросая хмурые взгляды из-под козырька фуражки. Дэш порхала рядом, стараясь держаться как можно ближе к моей руке и не натягивать поводок. Едва заметив нас в окошко, из небольшой будки выскочили люди — два стражника в доспехах и с алебардами, а также пузатый и лысый счетовод в свободном балахоне с амбарной книгой в руках, вид у него был крайне взволнованный.

— Приветствуем вас, господин, на крупнейшем в Зерозане рынке рабов! — елейным голосом произнёс он, учтиво кланяясь.

— И вас тоже, — ответил я и легонько толкнул Рэйнбоу. — Поприветствуй добрых людей.

— Здравствуйте, — тихо сказала она, опустив глаза.

— Позвольте же показать господину полковнику места, где продают лучших рабынь, лучшее оружие и лучшие вина, — продолжил толстяк.

— Простите, но я не полковник, — улыбнулся я. — Всего лишь лейтенант сил Порядка.

— А-а-а, — облегчённо протянул он и расслабился, затем его лицо приняло разочарованный вид. — Добро пожаловать, проходите.

Все трое тут же удалились в будку, а я и Дэш прошли через ворота. Каждого входящего базар Зерозана встречал огромным транспарантом «СВОБОДА — ЭТО РАБОВЛАДЕНИЕ», именно этот постулат диктовал правила поведения и

приличия в мире. С гордо поднятой головой тут ходили только те, кто вёл за собой рабов. Каждый раз при встрече с рабовладельцами Дэши инстинктивно прижималась ко мне. Остальные люди или сами были невольниками в ошейниках, или же стыдливо прятали лица под масками и шлемами. Рэйнбоу вытаращила глаза, увидев повозку, за которой скованные цепью шли около двух дюжин рабынь. Спутница повернулась ко мне и спросила:

— Почему такое возможно?

Я остановился, посмотрел на Дэши и не сразу нашёл, что ей ответить:

— Потому, что никто не может возразить сильным мира сего, — я сделал паузу. — Тут, как и в большинстве варварских миров, не только свобода — это рабовладение, но и власть — это безнаказанность.

— Отвратительно, — с презрением сказала она и отвернулась.

— Дэши, — позвал её я, — Всё не так плохо, вспомни цивилизованные миры, откуда я родом. Люди смогли победить эту напасть.

Вместо ответа она улыбнулась и внезапно потёрлась щекой о мою руку, давая понять, что её отвращение на меня не распространяется. Я улыбнулся в ответ, и мы продолжили путь. Понятия не имел, где находится квартал оружейников, но надеялся, что рано или поздно услышу звон кующегося оружия или скрежет затачиваемых клинков. Правда, чем дальше я продвигался, тем всё больше склонялся к мысли, что мне придётся расспрашивать местных. Здесь никто не выставлял свой товар на всеобщее обозрение, желающий купить сам должен был зайти в лавку. Скорее всего, для того, чтобы не показывать всем в округе, что именно он покупает. Лавки располагались на первых этажах тесно жмущихся друг к другу трёх-четырёхэтажных домов из песчаника. Все остальные помещения были предназначены для складов, жилья и обслуживания особых клиентов. Неожиданно для меня, мы каким-то образом всё же свернули на улицу оружейников и, выбрав лавку с наиболее презентабельным видом, зашли внутрь. Меня тут же встретил продавец, одетый в такой же балахон свободного покроя, как и счетовод у входа на базар.

— Доброго здравия вам, — учтиво поклонился он. — Лучшее оружие в Зерозане только в лавке Аш-Шахара по самой скромной цене и только для вас. Железо и сталь, обычной и множественной ковки, любой формы, отлично сбалансировано.

— А эльфийское оружие у вас есть? — тут же спросил я. — Мечи, сабли.

— Я вижу, вы ценитель изящного. Сожалею, но подобное редко когда появляется в Зерозане.

— Но иногда появляется, так? И сколько же оно примерно стоит?

— Недёшево, совсем недёшево, — Аш-Шахар покачал головой. — В зависимости от длины и формы, где-то… начиная от пятидесяти золотых.

— В таком случае, — улыбнулся я, доставая из рюкзака меч. — Не хотели бы вы купить этот за сорок золотых.

Торговец уставился на меня раздражённым взглядом, но потом ухмыльнулся.

— Хах, ловко вы меня сделали! — он бережно взял оружие из моих рук. — Посмотрим-посмотрим.

— Да уж, сделайте милость, — улыбнулся в ответ я, глядя как он осторожно вытаскивает меч из ножен и аккуратно вертит его в руках.

— Это дело рук эльфов, вне сомнения, но, увы, родовое клеймо счищено, — Аш-Шахар разочарованно покачал головой. — Оружие наёмника. Больше десяти золотых дать не могу.

— Так мало? — удивлённо спросила Рэйнбоу.

Я тут же окинул её гневным взглядом, Дэш испуганно вжала голову в плечи и опустила уши. Не знаю, подыгрывала ли она или нет, но получилось очень естественно. Я поджал губы и, сделав вид, что ничего не произошло, продолжил:

— Это смешно. Отсутствие клейма не делает оружие хуже, я готов сбавить до тридцати пяти, но это предел.

— Да, тут вы правы, — согласился Аш-Шахар. — Но сами понимаете, товар редкий, и покупатели тоже очень немногочисленны. Ну, пятнадцать золотых я заплачу, это хорошая цена.

— Хорошая цена для хорошей стали, но не эльфийского лёгкого сплава, — парировал я. — К тому же меч — не фрукты, лежит себе и не портится. Впрочем, я не заставляю вас покупать, найдутся и другие желающие.

— Эльфийские мечи действительно не ржавеют, но вам всё равно больше пятнадцати золотых никто не даст, — он вложил меч в ножны и положил на прилавок. — А я предлагаю двадцать.

— Знаете, согласен на тридцать, — я посмотрел торговцу в глаза, тот покачал головой. — Ну, как хотите, а я поищу людей посговорчивее, кому важнее наличие такой жемчужины в своей лавке, чем её продажа, — я взял меч, развернулся и потянул за собой Рэйнбоу.

— Стойте! — не выдержал этот ушлый тип. — Двадцать пять, моё расположение и несколько важных советов вам, как новичкам в Зерозане.

Я замер, не дотянувшись до ручки двери, и усмехнулся. Сумма в двадцать пять золотых монет была просто огромной, но мне необходимо было помнить, что до Эквестрии ещё очень далеко, а мне ещё придётся возвращаться обратно. Заключив сделку и пожав торговцу руку, я рассовал золото по всем потайным карманам, узнал, где можно купить провизии и снять комнату на ночь. Хотел уже было поблагодарить Аш-Шахара и попрощаться, как он добавил:

— Комнату вам всё равно не сдадут. Под любым предлогом. У вас, конечно, есть это забавное существо, но на раба оно мало похоже. Мой вам совет, сходите на улицу Цепей, арендуйте пару-тройку рабов-носильщиков у моего знакомого Ак-Курела. Если посетите его багряный шатёр на улице Цепей, вас точно никто за вольника не примет.

— Я учту, спасибо.

Очень забавное слово «вольник». Это как бы ещё не невольник, но уже не свободный человек, у которого обязательно должны быть рабы. Хоть мне владение разумными существами и не нравилось, я решил, что безопасность важнее, и отправился в самый оживлённый район. Туда, где торговали живым товаром. Найти его не составляло труда, это было самое шумное место на базаре: свист кнутов, крики рабов и эмоционально торгующихся свободных, звон молотков, расковывающих и вновь сковывающих кандалы. А ещё с улицы Цепей струился запах жареного мяса, от которого у меня рот наполнился слюной. Я уже мечтал об аппетитной бараньей ноге, но внезапно осознал, что не еду там готовили, а клеймили рабов. Сдерживая тошноту, я сразу последовал совету торговца оружием и нашёл ставящийся шатёр торговца по имени Ак-Курел.

— Так вас прислал Аш-Шахар? — улыбнулся мне он. — Какая у вас замечательная зверушка.

— Ага, её зовут Рэйнбоу, — я повернулся к ней. — Ты забыла поприветствовать.

— Здравствуйте, — потупив взгляд, произнесла Дэш.

— Она у вас ещё и говорящая? — удивился Ак-Курел. — А это ваше клеймо на ней? — он показал пальцем на кьютимарку.

— Ага, магическое, — я скривился. — Я хотел бы арендовать у вас парочку носильщи...

И тут я увидел её! Девушку-рабыню, прикованную к столбу на помосте для демонстрации невольников. Она была просто прекрасна. Юная, стройная, а бежевое дорожное платье с поясом лишь подчёркивало её точёную фигуру и восхитительные формы. Девушка подняла глаза, увидела меня и, смутившись, застенчиво и мило отвела взгляд. У неё было потрясающее лицо, завораживающие зелёные глаза, длинные волосы и очаровательные кошачьи ушки на голове. Девушка переступила с ноги на ногу, зазвенев цепями на ногах и руках, дёрнула длинным пушистым хвостом и внезапно всхлипнула. И тут я ощутил столько ненависти, столько злобы ко всем этим работорговцам, сколько не испытывал ни к кому! Я, стиснув зубы, едва сдержал себя, чтобы не спалить всё вокруг. Как они посмели вот так вот издеваться над бедной девушкой?! Я знал, что она — хищный человек Порядка, весь её вид обладает генетическим отклонением в результате мутации, случившейся в незапамятные времена. И именно кошачьи

ушки и хвост делали представителей этой расы крайне привлекательными партнёрами для большинства людей. Судьба невольницы теперь была предрешена, после продажи её волю сломят и она станет безмолвной рабыней для утех какого-нибудь местного князька.

— Заинтересовались кошечкой? — спросил меня подошедший Ак-Курел.

— Да, и почём она у вас? — самым простым и безопасным способом было просто выкупить девушку.

— Так просто не продаётся, — работорговец помотал головой. — Приходите сегодня вечером на аукцион. Хотя... — он осмотрел меня. — Даже с вашими доспехами и посохом, вы только на начальную цену наберёте.

— Да ладно? — я недоверчиво приподнял одну бровь. — Неужели хищные люди так много стоят?

— Котики — раз на раз не приходится, а вот кошечки — да. Они редки и очень привлекательны. Вы, конечно, можете поставить свою Рэйнбоу, но не советую. У вас больше нет рабов, а значит, на пару минут вы станете вольником, да ещё и на людях.

— Оно того не стоит, — тут же поддакнула Дэш, но я не обратил внимания.

— Хм-м-м, — решение лежало на поверхности, но я лихорадочно обдумывал, стоило ли оно того. — Знаете, у меня есть нечто, что способно вас заинтересовать. Возможно, вы даже снимете этот лот, — я полез к себе за шиворот, где в потайном кармашке таскал свою самую ценную вещь.

— Интересно-интересно, — оживился Ак-Курел. — Надеюсь, вы меня не разочаруете.

— Ну что вы! Вот, — я протянул ему патрон, полый прозрачный кончик которого был заполнен голубовато-белой пылью.

— Да нет, хе-хе, — стеснительно ответил торгаш. — У вас не может быть пули с торидиевым наконечником.

— У офицера Порядка? — спросил я.

— Ха-ха, хех, ну... — на его лице отразилась целая гамма чувств: от радости до недоверия. — Ну, давайте проверим, настоящий ли это торидий.

По одной его реакции я понял, что сделка может состояться, мне нужно лишь чуть-чуть убеждения. Я ещё раз окинул взглядом кошечку, она робко глянула на меня и, смутившись, опустила глаза. Я ухмыльнулся, а Ак-Курел, взяв меня чуть ли не под локоть, повёл в небольшую палатку, разбитую внутри шатра, где находились его личные вещи. Торговец стал рыться в сундуках, доставая шёлковые штаны и сорочки, и, наконец, вынул небольшой, помещавшийся на ладони прибор. Стоило только нажать на кнопку, как прибор окружило слабое защитное поле размером с ладонь или чуть побольше. По всей видимости, это был барахлящий генератор на последнем издыхании, но проверить подлинность

торидия он всё ещё был способен. Я поднёс патрон близко к пузырю, кристаллики на кончике засветились синим, защитное поле изогнулось и от него отделилось несколько искорок.

— Вот это да! — сказал торговец, аккуратно беря патрон из моих рук. — У меня в руках последний довод правителей.

— Достойная цена, чтобы продать мне кошечку до начала аукциона, не так ли? — я посмотрел ему в глаза.

— Ой, да зачем она тебе? — подала голос Рэйнбоу Дэш. — Лишняя обуза в путешествии.

— Цена, конечно, достойная, — ответил Ак-Курел, глядя на пегаску. — Но товар не моего профиля.

— Аукционеры с радостью примут такой лот, с руками оторвут, — я не обратил внимания на Рэйнбоу, которая, похоже только этого и добивалась:

— Ну серьёзно, Питер, лучше бы ты взял одну-другую из тех, — она указала копытом на клетку с молодыми рабынями-блондинками, они хлопали глазами и казалось вообще плохо понимали, где находятся; внезапно одна из них заметила мой взгляд и с криком «Купите меня, добрый господин!» вытянула руки; остальные последовали её примеру. — Видишь? Они хотя бы красивые.

— Вы позволяете свой рабыне вот так дерзить? — Ак-Курел презрительно посмотрел на меня.

— Она просто хочет быть наказанной, — отшутился я, Дэш при этих словах отпрянула от меня насколько позволял поводок. — Ну, так что насчёт сделки?

— Знаете, я бы согласился, но я уже растрезвонил, что у меня будет что-то особенное, а теперь выходит, что ничего и не будет.

— Ну не хочет Ак-Курел продавать. Пойдём уже, — Рэйнбоу потянула меня к выходу, про себя я улыбнулся, она замечательно поняла, как подыгрывать мне в торге.

— И правда что, — сказал я, забирая патрон из рук торговца, — заставлять вас заключать сделку я не буду. Не знаю, встретите ли вы торидий ещё раз или нет...

— Я согласен! — выпалил Ак-Курел. — Пулю в обмен на эту рабыню и все её личные шмотки.

Пришедший по просьбе торговца счетовод оформил сделку, содрав с нас по пять золотых налога. Один из чернорабочих наскоро выгравировал на рабском ошейнике «Собствинность Питора Бийга» и надел его на девушку, или у рабочего было плохо со слухом, или по правилам местной грамматики моё имя записывалось именно так. Я взял купчую, ключ от кандалов и ошейника, и мы отправились прочь из квартала работорговцев. И только тут я задумался, а что же, собственно, делать дальше. Ведь я теперь нёс ответственность за девушку. Её

нельзя было просто вот так бросить в Зерозане или соседнем мире, где у неё нет никого, и где она легко может повторить свой путь на невольничий рынок или того хуже. И ведь именно об этом мне толковала Рэйнбоу Дэш, смотревшая теперь на меня с неприкрытой яростью. Нужно было что-то делать, причём срочно.

— А как тебя зовут? — спросил я у девушки.

— Ишана Сильверкрик, — она застенчиво опустила голову. — Для вас просто Иша.

— И давно ты носишь кандалы? Или родилась рабыней?

— Чуть больше месяца назад поймали, — вздохнула она. — По моей глупости, не стоило ходить одной.

— А где ты жила, Иша, пока тебя не поймали? — я мельком увидел, что Рэйнбоу теперь даже оскалилась на меня.

— В городе Ариэль мира Индиниал, знаете, там ещё такие древние руины.

— Да? — я аж присвистнул; Индиниал и был тем самым соседним миром, куда мы должны были отправиться, замечательное совпадение. — Это почти по пути нам.

Я с победным видом посмотрел на Дэш, ведь теперь вызволение из рабства Иши не выглядело таким непродуманным решением как раньше. Пришло время купить продукты, мне и Рэйнбоу предстоял переход через безумные миры, там не всегда можно было найти воду, а с едой дела обстояли ещё хуже. Я набил полный рюкзак и сумки гречневой крупой, рисом, мелкой лапшой, вяленым мясом, походным хлебом, взял также три горшочка мёда. Всё, что не испортится в долгой дороге. Конечно, всё это сейчас несли Дэш и Иша, но последнюю я собирался отпустить буквально в следующем мире, а с первой у меня явно намечался очередной тяжёлый разговор. Я решил, что находиться в Зерозане дальше смысла не было, Ишана со своими кошачьими ушами и хвостом привлекала уж слишком много внимания. При первом же удобном случае, не дожидаясь окончания шестнадцатичасового перерыва, я прочёл словоформу телепортации и отправил нас в следующий мир.

Индиниал встретил нас горячим и сухим воздухом, а также лучами местного громадного солнца, белого с синевой. Планета этого мира, хоть и находилась довольно далеко от голубого гиганта, не могла избежать раскалённой ласки его лучей. В этом свете моя кожа казалась совсем бледной, а шерсть Рэйнбоу стала цвета индиго. Ультрафиолет легко мог обжечь сетчатку огромных глаз Дэш, поэтому мне пришлось помочь ей надеть солнечные очки, сам же я больше опасался получить ожоги кожи, поэтому махнул спутницам рукой и направился ко входу в стоящую рядом полуразрушенную часовню. Подобные строения, называемые руинами Предтеч, встречались повсеместно в мирах, где Истинная Речь имеет силу. Внутри помещение освещалось сияющими жёлтым

треугольными призмами, стоявшими на полу и настенных каменных полках. Не знаю, кто их оставил, но часовня была пустой. Следом за мной вошли Дэш и Иша. Я вытер кровь, сочащуюся из носа, сбросил рюкзак и наклонился к пегаске.

— Ты отлично справилась, — я отстегнул поводок и снял с неё ошейник. — Вот так.

Стоило мне распрямиться, как Рэйнбоу скинула с себя походные сумки, взлетела, обняла меня за шею и поцеловала в щёку. Я расплылся в улыбке и приобнял Дэш в ответ. Внезапно Ишана усмехнулась, и мы повернулись к ней. Девушка, гордо выпрямив спину и подняв голову, снисходительно смотрела на нас и хлопала в ладоши.

— Потрясающая сцена ревности, — улыбаясь, сказала она. — Давно ничего подобного не видела.

— Ревности? — переспросил я, и тут же меня озарила догадка. — Дэши, ты же тогда на базаре не подыгрывала мне в торге! Ты же действительно ревновала!

— Было бы к кому ещё! — презрительно фыркнула она.

— Ха-ха-ха, — рассмеялась Ишана. — Просто потрясающе. Но в какой-то степени она права, — девушка выставила вперёд руки в оковах. — Ладно уже, освобождай меня, как собирался. И прости, что приворожила тебя. Сам понимаешь, в такой ситуации хватаешься за любой удобный случай.

— О чём ты говоришь? — спросил я, доставая ключ и подходя ближе.

Она лишь вновь усмехнулась, а я обомлел, увидев Ишу вблизи. Ей было уже за тридцать как минимум, жёсткие черты лица, морщины под глазами, узкие губы и клыкастая улыбка. Даже глаза со сверкающим в свете зрачком как у кошек, светились цинизмом взрослого человека. Её тело и близко не походило на то, что, как мне казалось, я видел в Зерозане. Ишана была пластична и умело принимала выгодные позы, сбивающие мужчин с толку. Моё воображение само дорисовало ей и девичью красоту, и статность, и формы. Она просто обвела меня вокруг пальца, догадавшись, что я не из тех людей, которые потащат продавать её назад в рабство. К тому же в ней была какая-то особенность, какая-то изюминка, заменявшая девичью красоту. От всего этого во мне закипала злость, я нахмурился, но всё же разомкнул оковы и ошейник.

— А Дэш-то была права, когда говорила, что ты уступаешь в красоте тем рабыням-блондинкам, — едко ответил я.

— Я не стала бы тебе врать, — тут же заметила Рэйнбоу, Ишана скривила губы в насмешливой улыбке, проглотив такой «комплимент».

— Тем не менее, — произнесла бывшая невольница серьёзным тоном. — Я благодарна тебе за моё спасение. И ещё раз прости за то, что обманула тебя, но ты и сам понимаешь: искатели приключений, такие как мы, по-другому и не могут. Из Ариэля, лежащего в миле отсюда, я смогу добраться, куда мне необходимо. И

ещё одно, — она сняла с себя золотой кулон. — Это тебе. Говорят, этот амулет дарует удачу всякому, кому он достался честным путём. Твоё появление — лучшее подтверждение, что амулет работает. Держи, — она надела его мне на шею. — Ты действительно заслужил удачу. И ещё раз спасибо, за освобождение.

— Да, — произнесла Дэш. — Ты не заслужила ужаса рабства, какой бы ты не была обманщицей. Это отвратительно, это кошмарно, и дело не в том, что тебя лишают свободы воли, а в том, что даже если это понарошку, то ты хочешь быть собственностью, которую хозяин защитит от других, чужих, ужасных и жестоких. И это премерзко.

— Именно, Дэши, — я сел рядом с ней и обнял, после своей речи она дрожала. — Всё так. Вот поэтому не получится прийти с войском и силой освободить рабов, они сами будут сражаться за возможность носить кандалы. Цивилизация Зерозана пока ещё не развита.

— Обещай никогда больше не надевать на меня ошейник, — прошептала Рэйнбоу мне в ухо.

— Обещаю, Дэш, — я ещё сильнее прижал её к себе.

— Если такое рабство понимать как помощь одних членов общества другим, то это самая кошмарная пародия на настоящее общество.

— Что ты сказала? — внезапно вмешалась Ишана. — Взаимопомощь? Настоящее общество? Какие знакомые речи. Ты идёшь по пути Открытой Ладони, не так ли?

— По пути чего? — переспросила Рэйнбоу.

— По пути Открытой Ладони, — ответил я. — Меня предупреждали перед путешествием, что ты вольно или невольно следуешь этому учению, но не успели растолковать, о чём оно.

— Я могу пояснить, это не сложно, — заметила Иша. — Каждый из моего рода знает эту историю, а я ещё читала кое-что в книгах эльфов. Скажу сразу, я не имею ничего против индивидуумов, следующих Открытой Ладони. Особенно, если они не люди. Для общества людей же подходит исключительно философия Сжатого Кулака, иначе оно несёт лишь беды себе и другим.

— Почему это? — выпалила Дэш.

— Мне проще рассказать, — Ишана устроилась на поваленной колонне и продолжила: — Давным-давно, ещё до появления Порядка, на его месте существовала гегемония Предтеч, людей, шедших по пути Открытой Ладони. Они пришли и к нашим племенам, прикрывшись благими намерениями, как щитом. Предтечи убедили старейшин, что нам нужно влиться в гегемонию ради общего блага, и старейшины согласились, не зная, на что обрекают наш народ. Путь Открытой Ладони предполагает обязательную взаимопомощь, ставит жизнь существа превыше всего, даже выше выживания вида. Наши традиции и обычаи

показались чужакам варварскими. Да, когда кто-то из нашего рода взрослеет, он должен в одиночку отправиться на охоту и вернуться с добычей, да у нас и без этого хватает опасных традиций, но так было всегда! Это и есть эволюция, когда вид очищается от слабых, а Предтечи приказали запретить подобное. А их двуличие? Среди богатых стало модно брать в жёны или мужья наших соплеменников, нисколько не заботясь о том, что мы, как вид, можем раствориться, ассимилироваться в этой бесконечной массе народа! Наоборот, нам ставили в укор наши «националистические интересы»! Предтечи были самыми настоящими захватчиками, только двуличными. Они уничтожали наш вид, нашу культуру, наших детей, но не прямо, а косвенно. Людская звериная натура никуда не делась, скрытая под маской философов Открытой Ладони. Старейшины поздно поняли это и решили отделиться от гегемонии. Ах, если бы вопрос можно было бы решить так просто! Предтечи стали уничтожать леса, где наш народ охотился, они загнали хищных людей в горы и поставили на грань исчезновения. И всё это под знаменем спасения нашего вида от тирании старейшин.

— Это… это ужасно! — воскликнула Рэйнбоу.

— Это было ужасно для всех. В итоге такое гуманное отношение погубило самих Предтеч. Они не очищали себя от индивидов, мешающих продолжению рода, и просто вымерли. Позже я читала, будто бы Предтечи исчезли очень быстро совсем по другим причинам, множество учёных Порядка проводили свои исследования. Вот только наш род помнит те события, а варвары, живущие на просторах бывшей гегемонии, и Порядок — нет. Может быть, правда лежит где-то посередине, не знаю точно. Одно верно — Предтеч погубила их философия, не сочетающаяся с их натурой. Именно поэтому мы должны оставаться такими, какие мы есть: добрые, ласковые и заботливые к родным и холодные, безжалостные, порой жестокие ко всем остальным. Ради блага нашего клана, нашего вида, чтобы побудить каждого бороться за жизнь, а не паразитировать, разлагая нас изнутри. В этом и есть суть пути Сжатого Кулака.

Мы долго молчали, думая о чём-то своём. Я усадил Дэш на колени и обнял, наконец, она спросила:

— А почему люди такие? Почему они не могут по-другому?

— Потому, что по-другому бы вымерли, — холодно ответила девушка. — Потому что вот такие вот люди.

— А что стало с вашим родом потом? — задал я свой вопрос.

— Мы выжили, правда, только в одном мире. А спустя какое-то время нас нашли эльфы-путешественники и помогли расселиться ещё по двум. Чтобы не исчезнуть, мы время от времени принимаем в племя чужаков, вливаем потихоньку свежую кровь. Но я на твоём месте губу бы не раскатывала.

— Вот так я наконец-то узнал, что же это за основополагающие философии. Меньше всего ожидал, что это произойдёт у самого выхода из варварских миров.

— Слушай, — внезапно перебивает меня Ренни. — Так ты переспал с Ишаной или нет?

— Что? Нет, конечно! — я чуть не проливаю на себя чай. — А ещё говорила, что не будешь ревновать.

— А я и не ревную, мне просто интересно, — выражение её лица — самое обыденное.

— Нет, не переспал, — я мотаю головой, стараясь ничем не выдать свою ложь; Ренни не обязательно знать всё.

— Врёшь же! — прищуривается она.

— Нет, — я облизываю свои верхние зубы, вспоминая клычки Ишаны; нет, говорить решительно нельзя ничего, Ренни тут же закричит «Ксенофилия!» и будет дразнить меня при каждом удобном случае. — Я испытывал к ней только гнев, за её обман, — умалчиваю, насколько быстро гнев превратился в страсть.

— Ну, хотя, ты же из миров Порядка, для тебя хищные люди кажутся враждебными варварами. А у нас многие дети мечтают, что их второй половинкой окажется кто-то из их рода.

— И ты тоже?

— Да, пока была маленькой, пока не узнала, какой у них скверный характер, — Ренни нежно берёт меня за руку. — Не то, что у тебя, Пит.

— Спасибо. Тогда я продолжу рассказ.

Конечно же, Дэш обижалась на меня, несколько дней ходила угрюмой, много летала и мало разговаривала со мной. Но я уже знал, что рано или поздно она оттает, нужно только набраться терпения. Меня грела лишь одна мысль: мы покидали варварские миры. Впереди лежали безумные, но среди этих миров мало было таких, где Истинная Речь действовала, и я рассчитывал быстро их преодолеть. Каково было моё удивление, когда в первый же из них я не смог прыгнуть. Наученный горьким опытом путешествий, я сразу же попытался телепортироваться поближе к руинам: если кто-то снова установил глушилки, то пропускной пункт он устроил именно там. И действительно, у меня получилось переместить нас в этот мир. Тут накрапывал дождик, точнее, сверху порой падали капли, отделившиеся от огромного водяного пузыря, проплывавшего в небе и колебавшегося подобно желе. Оторвав взгляд от местного чуда, я посмотрел на стоящие рядом руины, и мои догадки частично подтвердились. Часовня Предтеч была превращена в полевой штаб, а рядом с ним находились деревянные домики бараков. Везде, где только можно, реяли флаги вооружённых сил Порядка. От

этого мне стало немного не по себе, но любопытство взяло вверх, и я направился к военным, на ходу доставая фуражку. Рэйнбоу сразу же заметила, что символика на флагах и фуражке одинаковая, я лишь ответил, что это, похоже, свои. Завидев меня, один из караульных скрылся в штабе, а стоило мне подойти ближе, как мне навстречу вышел капитан. Высокий мужчина крепкого телосложения в идеально отглаженной штабной форме.

— Отставной лейтенант Питер Бейг, сэр, — представился я. — А это моя спутница — Рэйнбоу Дэш. Мы направляемся в безумные миры.

— Приветствую, — кивнул мне капитан. — Сожалею, но пути дальше нет. Во всяком случае, пока что. Пойдёмте, — он развернулся и махнул нам рукой. — Расскажите хоть свежие новости, а я объясню ситуацию.

Мы сидели за небольшим раскладным столом в дальней части штаба, который легко можно было бы назвать залом отдыха, тут офицеры читали, играли в карты или просто болтали за чаем. Капитан Заго Залшаз, как он представился, рассказывал нам о темпоральном шторме. Я никак не мог собраться с мыслями, потому что Заго через предложение буквально вымогал у меня историю наших путешествий, а также всё, что было связано с фронтом. Я его прекрасно понимал, месяцами сидеть в такой глуши вдали от цивилизации и всех друзей, ушедших на войну, было для деятельных людей просто невыносимо. Разговор за чаем плавно перетёк в обед, а потом и в ужин, я наслаждался такой до боли знакомой ещё по временам обучения у Аврелиуса Нокты военной едой быстрого приготовления, да ещё и горячей, а Дэш заставляла себя есть порошковое картофельное пюре. Она тут вновь чувствовала себя в своей стихии: наслаждалась вниманием заскучавших за несколько месяцев военных, рассказывала о своей храбрости в нашем походе, а вечером даже летала разглядывать плывущие в небе пузыри воды.

Впрочем, ужин сразу же перестал для меня быть вкусным, стоило только капитану Залшазу пояснить мне, что же тут происходит. По безумным мирам нёсся темпоральный шторм, эта аномалия возникает раз в пару тысяч лет и буквально отрезает сообщение с мирами, лежащими позади безумных. Аномальные колебания темпа течения времени перетекают из одного мира в другой с непредсказуемой скоростью, а о том, что же случается с людьми, попавшими в шторм, мало что известно. Редкие счастливчики, оставшиеся в живых, просто ничего не замечали, большинство же пропадают без вести. Однако, узнав, что темпоральный шторм по прогнозам ещё не успел дойти до следующего мира, где работает Истинная Речь, я сразу же заявил, что нам нужно выдвигаться.

— С ума сошли, что ли? — удивился Заго.

— Но мы успеем проскочить! — воскликнул я и резко замолк, когда весь штаб уставился на меня. — Прошу прощения.

— А если не успеете? А если шторм настигнет вас там? А если чрезмерное использование Истинной Речи вызовет внутреннее кровотечение? — остудил меня капитан. — Лучше оставайтесь здесь, восемь-десять месяцев, ну максимум — пару лет, и всё.

— Ну уж нет! Мы рискнём, тем более что шансы попасть в шторм не слишком велики, — тут же ответил я; мне совершенно не хотелось тратить столько времени впустую, особенно если мы можем проскочить «непогоду».

— О, вы просто психи! — Заго почесал затылок. — Тогда дерзайте, раз так решили. Адрес только оставьте, куда писать, если исчезнете без вести.

Честно говоря, подобные контактные данные на случай беды, отказы от ответственности и завещания всегда угнетали меня. Будто добровольно в гроб ложишься, но среди офицеров Порядка составление завещания считалось полезной традицией и хорошей приметой. Они верили, что как назло выживут и время на составление окажется потраченным впустую. Верить хотелось и мне.

Переночевав в полевом штабе, мы двинулись в путь. О безумных мирах я в своё время читал немало, но большинство книг описывали или первые несколько миров, или нагло врали, противореча друг другу. Литература, написанная настоящими исследователями, была суха и скупа на подробности, будто бы из неё выкинули все нелогичные части, оставив лишь то, что авторы смогли объяснить. Наиболее часто в безумных мирах можно было наблюдать такие аномалии, как край мира и разрыв в межмирное пространство. Первое, по словам исследователей, походило на огромную, сверхглубокую пропасть, заполненную туманом. А разрыв мы увидели воочию после телепортации: огромное, розоватое пятно неправильной формы на четверть неба, похожее на гигантский кожный лишай. Мне было неприятно смотреть на него, из-за чего Рэйнбоу даже пару раз меня подразнила. Мы разбили лагерь на берегу моря, прямо там, где заканчивался пляж из сумасшедшего количества пластиковых игральных кубиков. Волны лениво перекатывали кости, заставляя смотреть на нас то паучьим шестиглазым взором, то одинокими очами циклопов.

— Ну что, сыграем на щелбаны? — спросил я Дэш, показывая на кубики.

— Давно не получал копытом по голове? — усмехнулась она.

— Ага, — улыбнулся я в ответ. — У меня всего лишь пальцы, так что тебе будет не так больно, если проиграешь, в отличие от меня.

— Терпеть не могу проигрывать, — скривилась Рэйнбоу. — Особенно там, где от меня ничего не зависит. Сколько бы ты не тренировался играть, результат не изменится, — она ненадолго замолчала. — Пойду полетаю, пока с моря не начал дуть ветер.

Рэйнбоу Дэш расправила крылья и, легко оттолкнувшись от засыпанного кубиками пляжа, взлетела. В начале нашего путешествия я переживал за Дэши,

когда она летала. Мне казалось, что она не вернётся, и, согласно договору, мне придёт конец. Как же давно это было! Я уже и забыл про договор, засаленной бумажкой лежавший где-то во внутреннем кармане рюкзака. Теперь я относился к Рэйнбоу совсем по-другому и переживал куда сильнее, но не во время её полётов. Просто знал, что она не улетит от меня. Через пару часов солнце коснулось горизонта, и пегаска вернулась, держа в копытах небольшой предмет чёрного цвета.

— Смотри, что я нашла! — зависнув в воздухе, она отдала мне находку. — Двадцатигранный кубик! Тут везде шестигранники, и только этот особенный.

— Хм. Если выпадет двадцать, орк получит двойной урон. Интересно, — пробормотал я, вертя в пальцах кусочек пластмассы с выгравированными на нём цифрами. — Может быть, его кто-то принёс сюда?

— Откуда вообще взялись тут эти кубики?

— Не спрашивай, — я покачал головой. — Может, их извергает местный вулкан или что похуже. В этих мирах нет места логике и причинам, — мой ответ не очень-то и пришёлся по вкусу Рэйнбоу, но продолжать расспросы она не стала. — Хочешь оставить себе на память?

— Почему бы и нет, — она развела копытами.

В темноте ночи разрыв выглядел ещё хуже: огромная, светящаяся малиновым язва на небе. Стали видны течения и струи энергии, изливавшиеся в этот мир. Я отвернулся, а Дэш, наоборот, во все глаза смотрела на необычное зрелище.

— Знаешь, я тут подумала и поняла одну вещь, — она оторвалась от созерцания аномалии и повернулась ко мне. — Вселенная не обязана быть дружелюбной к кому либо.

— Да. И мы все рано или поздно расстаёмся с этой детской иллюзией.

— А ещё я сделала выводы о том, как мне жить дальше. Только не смей насмехаться над ними.

— Хорошо, — усилием воли я подавил улыбку. — Не буду.

— Я больше не буду такой наивной, не нужно ожидать исключительно помощи и поддержки. Чтобы стать самой быстрой, самой сильной, самой красивой и самой-самой, я должна добиваться этого, полагаясь только на себя. Нельзя позволять другим сбить тебя с пути к цели, нужно иметь твёрдый характер и убеждения. И к жизни следует относиться проще. Нужно помогать другим, когда это им необходимо, но не стоит рассчитывать на чью-то помощь, — Дэш замолчала и уставилась на меня, ожидая, по-видимому, одобрения.

— Ну что ж, вполне нормальное и адекватное мировоззрение. Если ты чувствуешь, что оно подходит тебе, то могу только поздравить, — я сделал небольшую паузу для усиления эффекта. — Ты повзрослела.

— Я знаю, — она гордо задрала подбородок.

— Не сильно радуйся, теперь ты сама несёшь ответственность за свои поступки, — я улёгся на термоподстилку. — Я спать, а ты как знаешь, взрослая уже.

Утро выдалось серым и пасмурным, мокрый и противный туман, пришедший с моря, конденсировался на всём и временами вызывал приступы кашля, но хуже всего, что на нас надвигался шторм. Огромные массы вращающихся тёмно-серых с синевой туч неумолимо приближались, пройдя где-то треть расстояния от горизонта. Беззвучно вспыхивали сиреневые молнии, пока ещё беззвучно.

— Это и есть темпоральный шторм? — спросила меня Дэш.

— Нет, он не должен быть виден вообще, — ответил я, сворачивая термоподстилки. — Но нам явно дают понять, что мы загостились.

Покидали мы этот мир в спешке, произнесение словоформы и то заняло больше времени. Не задерживались мы и в следующих двух безумных мирах. В первом из них разрыв был настолько огромен и близок, что мне едва удалось удержать Рэйнбоу Дэш, рвущуюся посмотреть на эту аномалию поближе. Во втором мы оказались в огромном соляном кратере со стенками у самого горизонта. Крупная соль хрустела под ногами, озаряемая лишь бледным, фосфоресцирующим сиянием облаков. Дэш, улетевшая на разведку, почти сразу же вернулась, заявив, что у неё зародились нехорошие подозрения. Подозрения в том, что мы находимся внутри полой сферы из соли. Это вполне могло быть возможным, здесь что угодно могло быть возможным. Куда сильнее меня беспокоило отсутствие воды.

Воды не оказалось и в следующем мире, представляющем собой каменистую равнину, укутанную густым туманом как шубой. Я сделал пару глубоких вдохов, успокаиваясь, и тут ко мне в голову пришла идея: туман может где-то конденсироваться! Я отправился на поиски, вновь едва удержав Рэйнбоу от полёта. В таком густом молочно-белом тумане, приглушающем звуки, мы могли легко потерять друг друга. Я уверенно шагал вперёд, наугад выбрав направление, а Дэш порхала рядом со мной, иногда спускаясь, чтобы пройти пару десятков метров пешим ходом. Постепенно ей и вовсе пришлось перейти на свои четыре, когда мы стали восходить на холм. Мне казалось, что склон становился всё круче, хотя взбирался я по нему без каких-либо дополнительных усилий, просто шагал как раньше, пока не упёрся в совсем уж крутой подъём. Испещрённая трещинами и выбоинами скала почти вертикально уходила вверх. Ничего иного, кроме как обойти препятствие, не оставалось. Мы отправились вдоль каменной стены, тщетно пытаясь разглядеть в молочной дымке, что же лежит впереди. И чем дольше мы шли, тем сильнее мне казалось, что мы идём по кругу, или и того хуже

— стена бесконечно длинная. В безумных мирах возможно было всё, поэтому, заметив подъём градусов под семьдесят-восемьдесят, я решил попробовать взобраться. Я присмотрел куда поставлю ногу, за какие выбоины схвачусь и куда буду карабкаться дальше. Оттолкнулся и начал подъём. И тут же мир сделал резкий кульбит назад, заставив шагнуть вперёд. Меня замутило, я зажмурился и выставил руки, пытаясь сохранить равновесие. Я твёрдо стоял на ровной поверхности, во всяком случае, мой организм утверждал именно это, хотя память отчаянно кричала о том, что я стою на практически отвесной скале. Я открыл глаза, но не увидел ничего необычного, я действительно стоял на ровной каменной площадке.

— Вау! Вот это действительно классная магия!

— Я не пользовался магией, — ответил я и развернулся.

Рэйнбоу твёрдо стояла в паре метров от меня на скале, поднимающейся на добрых семьдесят градусов, и не думала съезжать. Но ведь я сам только что стоял на её месте. Что же это получается? От нелогичности происходящего я ощутил леденящий душу страх, тут же присел и вцепился пальцами в скалу.

— Тут что, на чём стоишь, там и низ? — спросила Дэш.

— Не знаю, но похоже на то.

Она аккуратно поднялась на задние ноги, а передние положила на скалу, где я сидел, прижалась к ней, а потом просто встала рядом со мной, светясь от удовольствия. Ещё бы, у неё, как у летуна, отлично развитый вестибулярный аппарат и замечательное ориентирование в пространстве.

— Видал? — её переполняла гордость за себя.

— Угу, — хмыкнул я. — Тогда давай веди ты.

Дважды просить пегаску не пришлось. Она тут же гордо вскинула голову и направилась к следующему гравитационному выверту. Я, преодолев свои страхи, поднялся на ноги и последовал за ней. Ещё парочка небольших подъёмов, и мы вышли на весьма ровную поверхность.

— Глянь-ка, — Дэш указала копытом вверх.

— Ого! — я задрал голову, вверху сквозь поредевший туман виднелась каменистая равнина, по которой мы недавно шли.

— Попробую туда слетать.

Рэйнбоу скинула сумки, взмахнула крыльями и оторвалась от каменистой поверхности. Поднявшись где-то метра на два с половиной, она резко развернулась, нелепо забила крыльями и от неожиданности крикнула. Я не выдержал, подпрыгнул и ухватил её за заднюю ногу.

— Пит, что ты делаешь?! — завопила она, попыталась вырваться, но вместо этого повалилась на меня, захлопала крыльями прямо перед лицом, и тяжело приземлилась рядом.

— Прости, Дэши, я просто испугался за тебя, — я присел напротив неё. — Ты закричала, и я не выдержал.

— Пит, я всего лишь сказала «ого!» Или «вау!», не помню, — она укоризненно посмотрела мне в глаза. — Ты ведь не был таким пугливым. Что с тобой?

— Не знаю, — я отвёл взгляд. — Я, наверное, устал от путешествия.

Рэйнбоу приветливо улыбнулась мне, я поднялся, и мы отправились дальше, если, конечно, тут применимо это слово, ведь, по сути, мы шагали в обратном направлении, просто вверх ногами. Хотя понятие «вверх» тут было ещё более условно. Стоило мне задуматься об этом, как из тумана вынырнул обрыв.

— Погоди-ка! — Дэш подбежала к самому краю, плюхнулась и стала шарить копытом где-то за провалом. — Есть! Мы как бы идём по потолку первого этажа, а там у нас пол второго. И мы можем туда перебраться.

— У тебя отличное пространственное мышление, — похвалил я её, подходя ближе.

— Ещё бы! Это люди ходят по плоскости и у них с этим проблемы, а я летаю и прекрасно понимаю, как предметы располагаются в пространстве, — похвасталась пегаска.

Мы перекинули сумки, потом Дэш, расправив крылья, свесилась с обрыва, подтянулась и буквально переползла на обратную сторону скалы. Подождав, пока она отодвинет сумки, я аккуратно подошёл к пропасти. Немного присел, перевесил ногу, как если бы хотел перелезть через забор, и уже хотел было перенести свой вес на другую сторону, как каменный край треснул и обломился под моим весом. Я закричал, нелепо взмахнул руками и повалился на спину. Первый страх прошёл, когда я понял, что не падаю, спокойно лежу, и у меня почти ничего не болит.

— ПИ-И-ИТ! — заорала Рэйнбоу Дэш так, что я невольно вздрогнул. — Питер! Питер! Я…

— Я тут, — подал голос я, переворачиваясь на бок и садясь. — Меня просто притянуло к обратной стороне.

— Проклятье, Пит! Ты не мог быть аккуратней?! — возмутилась она, когда я стал переползать край.

— Извини, что напугал тебя, — ответил я, глядя ей в глаза.

— Не напугал, а заставил поволноваться, — твёрдо ответила Дэш.

— Хорошо-хорошо! — ответил я и почесал её за ушком. — Мы действительно устали от этого путешествия, — отодвинулся подальше от края и сгрёб Рэйнбоу в объятья. — Нервничаем. Нам нужен отдых, а в безумных мирах его не найти.

— Тогда отправляемся дальше? — она вывернулась из моей хватки. — Смотри-ка!

Я обернулся и увидел захватывающую дух картину. Туман частично рассеялся, и стало видно, где мы находимся. Гигантское переплетение огромных полос скальной породы, изгибающихся во всех плоскостях. Вверху, внизу и во всех остальных сторонах виднелись каменные ленты Мебиуса, скользящие узлы и просто переплетающиеся тропинки. Мы находились в огромном клубке нитей застывшей лавы, притягивающих к себе не только предметы, но и туман, хранящий тайны от гостей. Этот мир никогда не знал жизни и вряд ли был пригоден для неё, при передвижении создавалось ощущение, что ты стоишь на месте, а мир вращается вокруг тебя самым причудливым образом. От этого кружилась голова и появлялся неестественный страх. Гостям намекали, что они лишние в этом изящном каменном царстве.

— Пит, ты говорил о том, что устал от путешествия, — начала Рэйнбоу Дэш. — Но что будет, когда мы достигнем цели? Что нас ждёт? Точнее, что ждёт меня? Дом? Соплеменники? Я в этом не уверена.

— Да? А почему? — спросил я.

— Помнишь котофей? — она присела и постучала копытом рядом с собой, приглашая сесть и меня. — Они же не сами появились, их создали искусственно.

— Да, и... — я уставился на Дэш. — Подожди, ты думаешь, что ты — это гибрид, и, скорее всего, единичный экземпляр?

— А вдруг да? Вдруг мы идём к фабрике по... выращиванию таких, как я? — она протянула передние ноги, и я бережно обхватил их ладонями. — Тогда все рассказы папы про единорога Твайлайт и прыгающую пони Пинки Пай правда, они тоже там были выращены.

— Откуда он вообще взял единорогов и прочих? — нахмурился я. — Он мне почти сознался, что придумал всё это.

— Папа не говорил тебе о синхронизационном канале? — по моему выражению лица она поняла, что нет. — Неужели он думал, что ты не поверишь? Папа много экспериментировал с порталами, однажды он случайно смог вытащить меня и получить немного информации о моём мире. Как бы синхронизировался сам.

— Восприятие диффузирующих эманаций, — припомнил я пару глав по физике пространства Цепи, посвящённых утечке энергий и информации в другие миры. — Но они бывают только в соседних мирах.

— Папа открывал куда-то портал! И вообще, его знания — лучшее доказательство, что я не была им создана. Вот только, — Рэйнбоу замолчала. — Что мы найдём в конце путешествия?

— Кому нужно строить генную лабораторию на задворках Цепи Миров, где на результат работы нет спроса? — я вопросительно поднял бровь.

— Чтобы никто не видел результатов, конечно же! Или у тебя есть версия получше?

— Для начала, ты — это несколько не то, что стоит скрывать, — спокойным и уверенным тоном произнёс я, стараясь успокоить Дэши. — И, конечно, у меня есть версия. Кроме тебя есть и ещё одно магическое существо с тремя парами конечностей, две из которых — крылья. Это драконы. Они, так же как и ты, используют магию, чтобы поднять себя в воздух. Вполне возможно, что где-то на окраине Вселенной, в мире на отшибе, драконы эволюционировали в пегасов.

— Во мне течёт кровь драконов? — Рэйнбоу Дэш улыбалась до ушей. — Круто!

Я тоже был рад за неё. В безумных мирах, по сути, не было ничего, что могло бы свести тебя с ума одним только видом. По-другому обстояло дело при попытке задать себе вопросы: «Как это появилось?», «Зачем это тут?», «Для чего это нужно?» И чем больше ты над ними думаешь, тем более важными они для тебя становятся. В такие моменты любое рассуждение на отвлеченную тему, напоминающее логичное, кажется тебе спасительной верёвкой, ведущей прочь из глубин безумия. Постепенно к этому привыкаешь и стараешься думать только о привычных для себя вещах: напарнике и памяти.

Безумных миров не так уж и мало, но мы проходили сквозь них с огромной скоростью. Буквально три-четыре прыжка, и больше половины пути уже было пройдено. И всё же мне было немного жалко, ибо самые удивительные и необычные зрелища во Вселенной прошли мимо нас. Впрочем, судя по настроению Рэйнбоу, ей с избытком хватало и того небольшого кусочка пирога с разноцветной начинкой, который выпал на нашу долю. Дэш всегда обладала отличным иммунитетом, но стресс и долгое путешествие медленно подточили его, и моя спутница простыла. Она перенесла начало болезни на ногах, но почти сразу же после прыжка в следующий мир Рэйнбоу начала кашлять.

Когда единственной информацией о мире в справочнике значится название «Губка-4», волей-неволей напрягаешь воображение, пытаясь представить, что же тебя ждёт. Лично у меня такое обозначение ассоциировалось только с губкой для мытья посуды и чуть-чуть — с обитателями кораллового рифа. Однако реальность оказалась куда более неожиданной, хотя, на первый взгляд, и прозаичной. Мы телепортировались в большую, метров десять в диаметре, сферу из толстого матового стекла. Сфера, напоминающая лабораторную колбу, на треть была наполнена землёй, здесь росла трава, пара колючих кустов и дерево, своей вершиной почти достававшее до верха сферы. Чем больше я осматривался, тем сильнее мне казалось, что сквозь толстое стекло за нами кто-то наблюдает, что сфера съёживается, а пространства и воздуха становится всё меньше. Я сглотнул и сделал пару шагов к центру, подальше от стен.

— Пит, кхе-кхе, — Рэйнбоу Дэш вывела меня из ступора. — Тут вот выход есть.

Я кивнул и, стараясь не смотреть на сферу, подошёл к Дэш. Она ещё раз кашлянула и показала копытом на то, что называла выходом. Увидев гладкий и показавшийся мне узким стеклянный лаз, я нервно сглотнул и чуть не сделал шаг назад. Это небольшое проявление страха заставило меня взять себя в руки, снять рюкзак и присесть прямо напротив воронки прохода из точно такого же толстого непрозрачного стекла, как и сфера. Как я лез, вспоминать не хочу, в таких местах плохо не станет разве что спелеологу, просто старался дышать ровно и брать пример с Рэйнбоу, которая, не смотря на любовь к полёту в огромных и пустых пространствах, не испытывала никаких страхов. Или просто не показывала виду. Хотя потом мне пришла мысль, что Дэш была такой апатичной из-за болезни.

Для меня не было великим облегчением узнать, что на той стороне прохода нас ждала очередная сфера, только чуть большего диаметра, и проходов в соседние она имела аж три, один вёл вниз и два наверх. Только полазив по местным микромирам, я понял, почему мир назвали губкой. И тем не менее здесь можно было жить: сквозь лазы откуда-то дул ветер, в одном месте мы нашли вытекающий из соседней сферы ручей, образовывающий озерцо, медленно стекающее дальше вниз. Рядом с ним мы и решили остановиться.

Пока я ломал засохший кустарник для костра и приглядывал, какое бы деревце пустить на дрова, а Дэши набирала воду, начало темнеть. Единственный свет, исходящий от самого стекла, потускнел, уступая место полумраку. Я как можно скорее развёл костёр, срубил магией ближайшее дерево и подбросил сырые ветки в огонь. Поднимавшийся дымок быстро засасывался в проход у самого потолка. Рэйнбоу, завернувшись в плащ, постоянно кашляла, кривясь и пытаясь водой убрать сухость и боль в горле. И вот здесь моя память сыграла со мной злую шутку: у меня было две разных упаковки лекарств от простуды, но я не мог вспомнить, какую из них купил себе, а какую дал мне Мок для Дэш! Действующее вещество в них было разное, а я не хотел рисковать здоровьем Рэйнбоу, поэтому решил обойтись без лекарств. Смешал мёд с водой и плеснул туда рома, бутылку с которым до сих пор носил в рюкзаке на крайний случай. Потом нагрел смесь на огне и дал выпить Дэш. Я думал, она, сделав пару глотков, откажется пить дальше, но Рэйнбоу осушила кружку до дна одним залпом и поблагодарила меня. Кашлять она стала не сильно меньше, зато её начало развозить. Рэйнбоу Дэш раскраснелась, глупо заулыбалась, глядя на потрескивающие поленья в костре, и даже попыталась что-то спеть, но не смогла.

— Я устала, — она посмотрела на меня, глаза блестели. — Надо, кхе-кхе, выспаться.

— Конечно, надо, — ответил я и поднялся, чтобы разложить наши постели.

Рэйнбоу неплохо так шатало, поэтому мне первый раз пришлось её укладывать спать. И это не было просто, от любого моего прикосновения она хихикала, ёжилась как от щекотки, тёрлась щекой о мою руку, а под конец ухитрилась копытами надавить мне на щёки так, что мои губы вытянулись трубочкой.

— Ты такой милаха! Хе-хе-кха-кха! — закашлялась она, и опустила ноги. — Прости, меня просто вырубает.

Я улыбнулся, лёг рядом и потрепал Рэйнбоу гриву.

— Люблю тебя, Питер.

— Я тоже тебя люблю, Дэши.

— Ну… как сестру, — развожу я руками.

Ренни хохочет. Потом успокаивается, но всё ещё улыбается, качая головой.

— Ты умеешь делать замечания, которые тут ни к селу, ни к городу, — говорит она, усмехаясь. — Тебе определённо не стоит рассказывать романтические истории.

— Ох уж эти романтические истории, — вздыхаю я.

— Хорошо, что мне ты такого ничего подобного не говорил.

— Да уж, хватило ума, — говорю я совершенно обыденным голосом.

— Пфха-ха-ха! — Ренни вновь пробивает смех, она выставляет открытую ладонь и говорит: — Я поняла, ты это специально!

— Ну-у-у… — я искоса гляжу на неё, следя за реакцией. — На самом деле шутить сейчас было плохой идеей, особенно после того, что произошло. Я думаю, мне стоит продолжить рассказ на террасе.

Безумные миры закончились так резко, что мы даже были сбиты с толку. Небо с облаками и солнцем, твёрдая почва с горизонтом, такие ставшие такими непривычными деревья и птицы. Рэйнбоу Дэш вовсю летала, чуть ли не визжа от радости, мне лишь оставалось отдыхать после напряжённого участка пути. Отдохнув, мы прыгнули в предпоследний перед Транслокатором мир. Справочник гласил, что на берегах морей жила примитивная античная цивилизация, а в глубине материка было в основном безлюдно. Я куда большие надежды возлагал на следующий мир, где располагался крупнейший в этой части Цепи Миров город магов, откуда Порядок порой набирал в свои ряды офицеров.

И, тем не менее, перед самым сном в редком лесу из толстых и раскидистых деревьев, создававших лиственную крышу, я увидел вдалеке отблеск пламени. Несмотря на все мои предостережения, Рэйнбоу отправилась слетать и посмотреть, что же там находится, заставив меня изрядно поволноваться. Зато

через полчаса она вернулась с известием о том, что неподалёку расположилась деревушка людей. На следующее утро мы прогуляться до неё. Не то чтобы нам нужны были продукты или еда, весь провиант проще было бы купить в следующем мире; дело было скорее в том, что даже после непродолжительного путешествия по безумным мирам я жаждал общения с людьми. Не важно, какими.

Прочтя об античной цивилизации, я почему-то представлял себе деревню как несколько домов из белого мрамора, больше похожих на небольшие дворцы. Но мы увидели скорее варварское поселение. Во время дождя здесь должна была быть неимоверная грязь, но последнее время было сухо, и растрескавшаяся глина хрустела под подошвами сапог. Хотя меньше всего мне здесь понравились местные жители. Одеты они были в замызганные рогожи и, завидев меня, а особенно Рэйнбоу, прятались по своим хижинам из старого серого дерева с гнилыми соломенными крышами, что-то шепча под нос. Я пробовал заговорить с некоторыми из них, но мне никто не отвечал. Лишь только на середине деревни, рядом с местным святилищем, мы встретили первого не пугливого человека.

— Простите, вы говорите на всеобщем? — обратился я к нему.

Жрец сделал несколько пассов и ответил:

— Да, я говорю на торговом, но это не значит, что я желаю говорить с тобой, — на его лбу выступил пот.

— Вот как? — я приподнял бровь. — А есть тут кто-нибудь, кто готов меня выслушать?

Служитель культа нервно огляделся, сделал ещё один пасс в нашу сторону и, наконец, ответил:

— Никто из моей паствы не будет разговаривать с тобой, еретик! — голос его немного дрожал. — Если хочешь — иди к Косому Глазу, что живёт на отшибе. Этот грешник давно заслужил такой кары, как ты.

— О чем это он? — спросила у меня Рэйнбоу.

Как только жрец увидел, что она может говорить, он пискнул «Ведьма!» и скрылся в часовне.

— Он просто слишком суеверен, Дэши, — успокоил я её. — Для всех существ естественно бояться непонятного.

— Вам не совратить меня лживыми речами, я всё понимаю! — послышался приглушенный голос духовника из постройки.

— Пошли, не будем запугивать его до смерти, — я похлопал пегаску по плечу.

Пройдя сквозь опустевшую деревню, мы увидели стоящий на холме одинокий домик. Внезапно позади нас тревожно и надрывно зазвенел колокол, созывающий людей к молитве.

— Ох, не нравится мне это, — Дэш вспорхнула и полетела рядом со мной, а я зашагал быстрее.

Дом Косого Глаза располагался метрах в пятидесяти от последней хижины деревни. Он представлял собой довольно крепкую деревянную постройку с тремя окнами, пусть и посеревшую от времени. У окон, чёрными провалами смотрящих на гостей, не было стёкол, а только ставни. Когда мы вошли в дом, его хозяин сидел за столом в самой большой комнате из трёх и как раз доедал похлёбку из глиняной миски. Одет он был в длинную рогожу и деревянные башмаки. Стоило Косому Глазу увидеть нас, как руки его задрожали, ложка выпала, а сам он вскочил и закричал:

— Горе мне! Ведьманы пришли по мою душу! — и выпрыгнул в открытое окно.

— Кто-кто? — рассмеялась Рэйнбоу, а я, покачав головой, сказал:

— До чего же пугливый народ! Видимо, телепортируемся прямо отсюда, а то они со страху умрут, когда настоящую магию увидят. В следующем мире живут маги, там к нам хотя бы отнесутся с пониманием.

Но не успел я даже раскрыть книгу, как услышал истошный крик Кривого Глаза. Дэш вздрогнула, а я тут же выглянул в окно. У подножья холма собралась огромная толпа людей во главе со жрецом, они несли в руках вилы, топоры и косы. Кто-то притащил дров, и костёр уже разгорался. Кривого Глаза прижали рогатиной за шею к земле.

— Грешны мы были перед богами! — уже совершенно не робким голосом кричал духовник на своём языке; я обрадовался, что Дэш, в отличие от меня, не сможет понять его и не испугается. — Пришла по наши души ведьма! А с нею её телохранитель — демон! Осквернить пришла ведьма наших детей! А души наши отдать демону на съедение! И годами они будут гнить в желудке его, истязаемые!

— Пшли вон, псы! — крикнул я им. — А то всех съем!

Крестьяне тотчас завыли и попятились, но ненадолго. Мне надо было скорее готовиться к телепортации, пока эта толпа не ринулась сюда. Бежать было поздно — если Рэйнбоу Дэш могла улететь, то броня и тяжёлый рюкзак не дали бы мне оторваться от преследователей.

— Но боги снова обратят к нам свой лик, если мы покараем нечестивцев! Грейте металл! Кто посильнее? Берите топоры и косы, демон силён, но у него нет оружия! А я — глас богов, я защищу вас от ведьмы, не дам её колдовству погубить вас! — С этими словами он начал махать жезлом, который достал из кармана.

— Пит! — обеспокоено воскликнула Дэш.

— Что случилось? — я увидел в её глазах ужас.

— Я не знаю, что это, но я не могу взлететь!

Я ошарашено открыл рот. Выходило, что жрец был настоящим чародеем, а не шарлатаном, дурачившим доверчивый народ. Нужно было делать ноги из этого мира и побыстрее, но я не знал, как повлияет чужая магия на процесс телепортации. А что, если Рэйнбоу останется тут? Я должен был действовать наверняка, составить на Истинной Речи контрзаклинание, а лучше просто разогнать это сборище ко всем чертям!

— Спрячься в дальней комнате, — сказал я и начал вбирать магическую энергию; её мне понадобилось бы много, очень много, чтобы остановить толпу и, желательно, не убить никого из этих дураков. Люди, как животные, боятся внезапных вспышек пламени, поэтому я открыл книгу на разделе «Управление огнём»: не помнил словоформу холодного пламени, только обжигающего.

— Почему они к нам так относятся? — вместо того чтобы прятаться спросила меня Дэш. — Мы же не сделали им ничего плохого!

— Ты ещё не поняла? — я развернулся к ней. — Потому что мы не такие, как они.

Зрачки Рэйнбоу расширились, а брови поползли вверх, она открыла рот и отступила на шаг назад.

— Пит, что с твоими глазами?

— Что? Светятся сиреневым так, что не видно зрачка?

— Тут и белка не видно! — обеспокоенно крикнула она. — Это опасно?

— Если спрячешься подальше, то нет, — отмахнулся я и аккуратно выглянул в окно.

Семь-восемь крестьян, подгоняемых жрецом, уже преодолели две трети пути до холма, шли они осторожно и нервно озирались. Я встал посередине комнаты и произнёс защитные словоформы. Как только они полезут в окно, то сразу же кубарем покатятся по склону холма. Первые бородатые типы, сжимающие в руках косы, топоры и рогатины, появились в оконных проёмах, я уже готовился выкинуть их прочь, как духовник закричал:

— Вперёд! Убейте демона, а ведьму не троньте! Иначе она проклянёт нас всех перед смертью! Тащите живьём сюда! Мы очистим её священными прикосновениями калёного железа!

Моё сердце бешено заколотилось, а руки вспотели. Они собирались пытать мою Дэши! Увечить и прожигать кожу до мяса раскалённым металлом! От одной мысли о том, как моей Рэйнбоу будет невыносимо больно в случае мой неудачи, как она будет бессильно кричать, истязаемая этими извергами, у меня застучало в висках и перехватило дыхание.

— Р-Р-А-А-А-А-А! — взревел я, сжимая кулаки.

Едва увидев мои светящиеся глаза, крестьяне, пробравшиеся в дом, вздрогнули. Но мне было уже всё равно. Никто! Не мог! Посметь! Тронуть! Мою!

Дэш! Я вскинул руки вперёд ладонями, призывая огонь. И он пришёл. Девятый вал ревущего раненым драконом пламени сорвался с моих рук и ослепляющей волной вырвался сквозь окна наружу, пеплом унося с собой волосы и бороды незадачливых людей. Они кричали, пытались бежать, но было слишком поздно и слишком горячо, их одежда пылала, кожа чернела и хлопьями отлетала прочь, глаза лопались и вытекали, сворачиваясь на щёках, как сворачивается белок яйца на сковородке, потроха вываливались из прогоревших животов, а оголённое мясо жарилось, шкварча и истекая вспыхивающим жиром. Едкий запах горелых волос и готовящегося стейка щипал нос, пока сосуды в нём не лопнули, и я стал чувствовать только металлический запах крови, горячей струйкой текущей по моей верхней губе. Я резко опустил руки, пламя тут же исчезло, но его последнее дуновение выкинуло прочь тлеющие кости.

Шатаясь, словно пьяный, я подошёл к оконному проёму, ставни уже начали заниматься огнём. Расстёгивая кобуру и доставая пистолет, я смотрел на жреца. Он следил за катящимся к его ногам почерневшим черепом, а потом поднял на меня взгляд. В его глазах был ужас. Ужас, испытать который не везло лишь единицам. Я поднял оружие, снял предохранитель и нажал на крючок. Пистолет рявкнул и дёрнулся в моей руке, разрывная пуля, вырывая куски рёбер, разнесла верхнюю часть грудной клетки жреца в клочья. Сработал компенсатор отдачи и чуть не выбил оружие из моих ослабевших и дрожащих рук. В голове стучала одна мысль: «Чёрт, чёрт, чёрт! Ты убил его только за одно его желание причинить боль по незнанию». Я едва смог вложить пистолет в кобуру, руки мои плохо слушались — ещё один верный признак, что я откусил больше чем смог прожевать. Надо было скорее хватать Рэйнбоу и сматываться, пока я не потерял сознание. Дом уже начинал гореть, в воздух поднимались клубы чёрного дыма.

— Дэши, Дэши, всё закончилось, выбирайся, нам нужно делать ноги из этого проклятого, кхе-кхе, — я откашлялся и сплюнул на пол кровяной сгусток, — места.

— Питер, у тебя кровь! — закричала она, стоило ей увидеть меня.

— Это магия, со мной всё в порядке, — я отошёл подальше от огня и прислонился к стене. — Становись рядом, я вытащу нас отсюда.

Я едва смог прочесть заклинание, а когда туман телепортации рассеялся, я закашлялся, в глазах потемнело, ноги подкосились, и я свалился на каменную мостовую.

Стоящая рядом со мной Ренни резко поворачивается и обхватывает меня так крепко, что от неожиданности я кашляю. Она прижимает меня к себе, не говоря ни слова. Я тоже обнимаю её и хлопаю по плечу. Ничего не говорю, потому что нет смысла. Мы оба и так всё прекрасно понимаем. Ренни

боится, больше всего на свете боится потерять меня, и я ей за это благодарен. Она поднимает голову, и мы целуемся, давая этим обещание не расставаться никогда. Больше.

< < < Назад, к главе 3
- - - Оглавление - - -
Вперёд, к главе 5 > > >